

Н.А. БАБИЙ

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «БЕСПОМОЩНОЕ СОСТОЯНИЕ» В СОСТАВЕ УБИЙСТВА

Проанализировано понятие беспомощного состояния в квалифицированном составе убийства, рассмотрена судебная практика его применения, отмечены противоречия в толковании этого признака в различных составах преступлений, выработано новое определение анализируемого термина, которое предложено закрепить непосредственно в Уголовном кодексе.

A concept of «helpless state» in the corpus delicti of a qualified murder is analysed in the article, judicial practice of application of this concept is examined, contradictions in interpretation of this concept in various corpus delicti are noted, new definition of the analysed turn is elaborated and a proposal to interpret it directly in the Criminal Code is made.

При ближайшем рассмотрении термина «беспомощное состояние» становится ясно, что он не имеет единообразного толкования ни в науке уголовного права, ни в судебной практике. Особо следует отметить существенные разночтения в понимании беспомощности не только в различных составах преступлений, но и в одном и том же, в частности в квалифицированном составе убийства.

Пунктом 2 ч. 2 ст. 139 УК предусмотрена повышенная ответственность за убийство «лица, находящегося в беспомощном состоянии». Постановлением № 9 Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК)» как беспомощное определено состояние, «которое лишает потерпевшего возможности в силу его физического или психического состояния оказать преступнику активное сопротивление, уклониться от посягательства или иным образом ему противостоять»¹. Лицами, находящимися в беспомощном состоянии, в Постановлении названы, в частности, тяжелобольные либо страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее. Очевидно, что парализованный в силу физического недуга человек или психически больной являются теми лицами, беспомощное состояние которых бесспорно относится к квалифицирующим обстоятельствам убийства. Однако «оказать преступнику активное сопротивление» не в состоянии и, например, лицо, на жизнь которого посягают из засады, спящий или человек, находящийся в состоянии опьянения, обмороке или ином бессознательном состоянии.

Таким образом, приведенное разъяснение Постановления хотя и конкретизирует содержание рассматриваемого термина, но в силу излишней общности охватывает случаи, которые не могут быть отнесены к беспомощности. Кроме того, в этом документе нет ответа на ряд вопросов, имеющих весьма существенное значение для применения уголовного закона. Так, осталось без внимания противоречие между такими признаками, как беспомощность и отсутствие сознания.

мощное состояние потерпевшего и причинение смерти тяжело и неизлечимо больному из чувства сострадания. Не ясно также, какое значение для квалификации имеют причины, по которым лицо оказалось в беспомощном состоянии, должен ли виновный использовать беспомощность для причинения смерти или достаточно самого факта пребывания потерпевшего в таком состоянии и т. д.

Отмеченные недостатки Постановления могут привести к разнобою в судебной практике. Усугубить же их отрицательное воздействие в ходе применения уголовного закона может отсутствие единообразного понимания признака беспомощного состояния в науке уголовного права. Так, в одном из отечественных изданий сказано, что убийство спящего лица является преступлением с квалифицированным составом (ч. 2 ст. 139 УК), поскольку сон отнесен авторами к состоянию беспомощности². В то же время в учебном пособии по уголовному праву Республики Беларусь говорится, что «убийство, например, спящего лица следует квалифицировать по ч. 1 ст. 139 УК»³.

Весьма показательным в отношении разночтений является опыт толкования и применения рассматриваемого признака в судебной практике Российской Федерации. Первоначально Президиум и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ считали основанием для признания состава убийства квалифицированным пребывание потерпевшего в состоянии сна⁴ или сильного алкогольного опьянения⁵. Однако нижестоящие судебные инстанции, по свидетельству заместителя Председателя Верховного Суда РФ А.Е. Меркушова, не были столь единодушны и принимали различные решения по аналогичным случаям⁶.

В связи с отмеченными противоречиями Пленум Верховного Суда РФ принял постановление № 1 от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», в пункте 7 которого под убийством беспомощного понимается «умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство»⁷. И хотя Постановление прямо не решает вопрос о признании или непризнании беспомощным потерпевшего, пребывающего в состоянии опьянения или сна, позиция Президиума и Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по этому вопросу претерпела изменение, и теперь она такова: сон и опьянение не являются основанием для признания потерпевшего находившимся в беспомощном состоянии⁸.

Вместе с тем, несмотря на такую определившуюся позицию судебной практики, в юридической литературе единства мнений по рассматриваемому вопросу до настоящего времени не существует. Обращает на себя внимание в первую очередь мнение практиков и ученых, изложенное ими в научно-практических комментариях к УК РФ, причем, что особенно интересно, в комментариях государственных органов, призванных обеспечивать единство правоприменительной практики. Так, в изданном под эгидой Верховного Суда РФ в 2001 г. комментарии УК РФ хотя и отмечена указанная выше позиция судебной практики, однако утверждается, что она является безосновательной, поскольку Постановление № 1 Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «не дает оснований для вывода, что убийство спящего или находящегося в тяжелой степени опьянения или лишенного сознания под воздействием наркотиков или по другой причине не может квалифицироваться по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК»⁹. В комментарии к УК РФ (2002), выпущенном Генеральной прокуратурой РФ, после соответствующего разъяснения Пленума Верховного Суда РФ указано, что квалифицированным является «убийство лица, находящегося в обмороке, бессознательном состоя-

нии, тяжелой степени опьянения, спящего и проч.»¹⁰. Аналогичное мнение находим и в комментарии к УК РФ (2001) Института повышения квалификации руководящих кадров при Генеральной прокуратуре РФ¹¹. В руководстве для следователей (2001) сказано, что беспомощное состояние может заключаться в «нахождении во сне, сильном опьянении»¹². Учебники и учебные пособия по уголовному праву РФ, которые должны сформировать у будущих практических работников знание о рассматриваемом признаке, также содержат многочисленные противоречия мнению высших судебных инстанций России¹³.

Изложенное достаточно убедительно свидетельствует о том, что определение беспомощности потерпевшего через его неспособность оказать преступнику активное сопротивление, уклониться от посягательства или иным образом ему противостоять порождает серьезные разногласия в толковании беспомощности и форм ее проявления.

Аргументация в пользу признания беспомощным состоянием пребывания потерпевшего в бессознательном состоянии по причине сильного опьянения или сна довольно полно изложена в новом курсе уголовного права (2002), подготовленном коллективом авторов ведущего российского вуза – МГУ им. М.В. Ломоносова. Авторы связывают повышенную общественную опасность убийства пьяных и спящих с особой заботой о защите не способных защитить себя, значительным облегчением исполнения убийства и облегченным формированием умысла¹⁴.

Представляется, что такая аргументация вряд ли может быть признана убедительной. Достаточно провести сравнение степени общественной опасности убийства лица, находящегося в сознании (при отсутствии иных квалифицирующих обстоятельств), и убийства лица, находящегося в бессознательном состоянии во время сна или тяжелого опьянения. Напомним только, что сравнение следует проводить при прочих равных условиях (мотивы убийства, его цель, способы и т. п.).

Если следовать логике приведенных выше аргументов, то пришлось бы признать, что лицо, которое вначале разбудило спящего, довело до его сознания, что сейчас будет содеяно, а затем хладнокровно совершило убийство, является менее общественно опасным, чем то лицо, которое не разбудило жертву перед убийством. Авторы как бы говорят преступникам, если не хотите попасть под вышнюю меру, вначале приведите тяжело пьяного в чувство, отрезвите его, а уж потом..., тогда и наказание вам будет меньшим, чем за убийство этого же лица, но пьяного. Вряд ли необходимо специально доказывать парадоксальность такого утверждения.

И хотя по справедливому замечанию А.В. Баркова трактовка признака беспомощности «в практике применения УК России привела к абсурдным ситуациям, когда убийство спящего расценивалось как квалифицированное убийство»¹⁵, опыт российской судебной практики в применении этого признака, к сожалению, не был учтен отечественными правоприменителями. Так, в обзоре судебной практики по делам об убийстве утверждается: «По мнению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда, лица, которые стали жертвой убийцы, находясь в бессознательном состоянии, в обмороке, в состоянии сильного опьянения, а также во время сна, что лишает потерпевшего возможности оказать сопротивление виновному, тоже могут быть отнесены к находящимся в беспомощном состоянии, если именно этим виновный воспользовался как обстоятельством, облегчающим совершение преступления»¹⁶. А в определении Судебной коллегии по уголовным делам от 16 декабря 2003 г. содержится и вовсе странное рассуждение: «Судебная коллегия считает, что нахождение потерпевшей в состоянии сна к числу отягчающих обстоятельств, предусмотренных п. 2 ч. 2 ст. 139 УК, не относится, поскольку это необходимое физиологическое со-

стояние человеческого организма. Состояние опьянения потерпевшей не является заболеванием, в том числе и психическим, которое не позволяло бы ей адекватно оценить ситуацию, оказать сопротивление, а было вызвано антиобщественным поведением, связанным с употреблением алкоголя»¹⁷.

Любое обстоятельство, используемое в качестве конstitutивного или квалифицирующего признака состава преступления, должно быть конкретным и иметь четко определенное законом содержание. Только в таком случае оно может выполнять роль критерия уголовно-правовой оценки содеянного. Ведь для вменения умышленного преступления необходимо, чтобы лицо сознавало все признаки состава этого преступления. Если же лицо не осознает какой-либо признак состава умышленного преступления, то оно и не совершает умышленное преступление.

Квалифицирующий признак убийства – беспомощность потерпевшего – ставится в вину при наличии заведомости, т. е. в том случае, когда виновный знает о таком состоянии жертвы. Как было показано выше, и суды, и юристы нередко дают противоположное толкование термина «беспомощность». Как же можно требовать от преступника знания того, что не определено точно ни законом, ни судом, ни учеными? При убийстве здорового спящего человека преступник считает его не беспомощным, а здоровым, сон же используется преступником только для облегчения совершения преступления. Следовательно, даже если преступник не знал о том, что спящего необходимо считать беспомощным, он будет привлечен к ответственности за квалифицированное убийство. Но это, по сути, является не чем иным, как объективным вменением. Можно возразить на это, что незнание преступником уголовного закона не освобождает его от ответственности. Однако для наступления ответственности обязательным является осознание лицом общественной опасности своего деяния, что предполагает знание признаков состава преступления (в том числе и признака «беспомощность»), указанных в статье УК.

В качестве квалифицирующего всегда выделяется только то обстоятельство, наличие которого весьма существенно повышает степень общественной опасности преступления определенного вида и лица, его совершившего. Что же вызывает наше настолько сильное негодование, что мы готовы виновного исключить из числа членов общества путем расстрела или пожизненного заточения? Таким обстоятельством, как нам представляется, является особая безжалостность, особая жестокость виновного.

Посколькуотягчающее обстоятельство (беспомощность) относится к характеристике потерпевшего лица, постольку особая безжалостность может быть проявлена только по отношению к тем лицам, которые пользуются в обществе особым отношением. Такими лицами, которых уголовный закон именует находящимися в беспомощном состоянии, являются немощные физически и душевнобольные. С точки зрения общечеловеческой нравственности отношение к убогим и ущербным всегда было особым, вызывающим стремление оказать им содействие и стать на их защиту. Соответственно даже простая обида таких лиц считается особо аморальной, вызывает чувство негодования и наиболее строго осуждается. В данном случае попирается не простое нормальное отношение к другому человеку, но единственно возможное отношение – сочувствующее отношение, нарушение которого автоматически свидетельствует о повышенной бесчувственности обидчика, а в случае причинения смерти – о повышенной безжалостности или особой жестокости убийцы.

Спящий, равно как и бодрствующий, человек не вызывает к себе сочувствующего отношения, подобного отношению к немощным и убогим. Что же касается сильно пьяных, то отношение к ним в большей мере осуждающее, нежели сочувствующее. То же самое можно сказать и о некоторых других

лицах, подпадающих под определение Постановления Пленума Верховного Суда, т. е. о лицах, лишенных возможности «оказать преступнику активное сопротивление, уклониться от посягательства или иным образом ему противостоять». Таким образом, повышенная общественная опасность убийства лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии, обусловлена не самой по себе неспособностью лица сопротивляться убийце, а проявленной виновным особой безжалостностью или особой жестокостью¹⁸.

Однако проблема уголовно-правовой оценки беспомощности является более значительной, нежели споры по частному вопросу отнесения сна или опьянения сильной степени к состоянию беспомощности в составе убийства. Обусловлено это тем, что данный признак используется не только в составе квалификации убийства, а потому уяснение его содержания возможно только с применением системного толкования уголовного закона.

Термин «беспомощный» в общеупотребительном смысле в белорусском языке означает: который не может сам, своими силами справиться с чем-нибудь, который имеет потребность в помощи, слабый¹⁹, неспособный самостоятельно, т. е. без посторонней помощи, справиться с чем-либо²⁰. В белорусском литературном языке под беспомощным понимается «не способный сам себе помочь, защитить себя; бессильный»²¹.

В уголовном праве неспособность лица принять меры к самосохранению в условиях существующей опасности для его жизни или здоровья не называется беспомощностью. Так, в ст. 159 УК «Оставление в опасности» такая неспособность обозначена как пребывание лица в опасном для жизни состоянии при наличии необходимости оказать ему явно не терпящую отлагательства помощь, в ст. 160 «Неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие» неспособные самосохраниться обозначены как люди, терпящие бедствие на водном пути, ст. 307 «Непринятие мер по спасанию людей» предписывает оказывать помощь в случае, когда жизни или здоровью людей угрожает опасность, и т. п.

Конкретные проявления неспособности лица принять меры к самосохранению могут быть самыми разнообразными в зависимости от состояния человека и характера грозящей опасности. В связи с этим неспособным к самосохранению может быть не только, например, парализованный, но также и абсолютно здоровый взрослый человек.

Применительно к убийству перед угрозой смерти фактически неспособным к самосохранению оказывается, конечно же, и лицо, находящееся в состоянии тяжелого опьянения, сна или в ином бессознательном состоянии. Не способно противостоять убийце и лицо, подвергшееся скрытному нападению, лицо, которому тайно подмешивают в пищу яд и т. п. То же можно сказать и о лице, хотя и временно, но тяжело больном, о раненом человеке, о лице, оказавшемся, например, в глубокой яме, или придавленном тяжелыми предметами, о тонущем в воде и т. п. И если довести рассуждения до логического предела, то можно сказать, что сам факт наступления смерти свидетельствует о том, что потерпевший оказался не способным самостоятельно противостоять опасности и нуждался в помощи.

Системный же анализ свидетельствует, что законодатель использует термин «беспомощность» в специфическом значении. Так, в ч. 2 ст. 159 УК этот термин употреблен наряду с указанием на существование опасности для жизни и здоровья. В этой норме беспомощность определена как причина, по которой лицо лишено возможности принять меры к самосохранению. Причем беспомощность является одной из такого рода причин наряду с малолетством, старостью или болезнью. Для уяснения содержания беспомощности необходимо учитывать и указание на существование обязанности других лиц заботиться о беспомощном.

Таким образом, беспомощность означает определенное состояние человека, существующее объективно вне зависимости от наличия или отсутствия внешних приводящих обстоятельств, создающих опасность для его жизни или здоровья.

Сущность беспомощности заключается в том, что лицо не в состоянии самостоятельно без посторонней помощи удовлетворять основные жизненные потребности, т. е. обеспечить самосуществование. Именно такое значение изначально вкладывалось в понятие «беспомощный» и в русском языке. С.И. Ожегов, в частности, дал следующее определение: «Беспомощный – нуждающийся в помощи, неспособный сам делать что-нибудь для себя, бессильный»²². А синонимический ряд этого термина включает в себя такие определения: несамостоятельный, шагу ступить не может, хуже малого ребенка²³.

Речь идет о неспособности беспомощного лица к самостоятельному существованию в обычной жизни или в нормальных условиях, а не применительно к экстремальной ситуации опасности. Именно поэтому на других лиц возлагается постоянная, каждодневная обязанность заботиться о беспомощном, а фактически – обеспечивать его жизнедеятельность, поскольку без посторонней помощи такое лицо обречено на гибель. И хотя гибель может быть следствием воздействия каких-либо внешних факторов, опасность для жизни потерпевшего заключена именно в самой беспомощности, которая может быть обусловлена определенными физическими недостатками или психическим заболеванием человека. В нормативно-правовых актах, регламентирующих общественные отношения в области оказания медицинской помощи, имеется достаточно точное определение состояния беспомощности: «...неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности»²⁴.

В данном значении понятие «беспомощность» и должно быть закреплено в уголовном законе, что обеспечит его единообразное понимание и применение, независимо от того, в каком составе и в каком качестве оно используется.

Термин «беспомощность» использован в УК и при характеристике составов сексуального насилия. Но в этих составах он трактуется значительно шире, чем в составе квалифицированного убийства, и включает в себя и состояние глубокого опьянения, и состояние сна. Такая его трактовка безоговорочно поддерживается как судебной практикой, так и учеными. Складывается парадоксальная ситуация, когда находящуюся в состоянии глубокого опьянения потерпевшую вначале изнасиловали, а затем убили, то применительно к изнасилованию она будет считаться находившейся в беспомощном состоянии, но уже применительно к убийству – нет. Одно и то же состояние одной и той же потерпевшей в одно и то же время оценивается неодинаково различными статьями, хотя в обеих статьях такое состояние обозначено одним и тем же термином – «беспомощность».

Указанное противоречие уже отмечалось в юридической литературе в качестве аргумента для признания сна и опьянения состоянием беспомощности и в составе квалифицированного убийства²⁵. Абсолютно соглашаясь с фактом наличия противоречия, хотелось бы возразить против сделанного из него вывода. Для истинности заключения необходимо, чтобы истинными были и посылки, из которых оно сделано. В нашем же случае не очевидно, что истинным является утверждение: спящий человек находится в беспомощном состоянии. Более логично предположить о неверности истолкования или неправильности использования термина «беспомощность» в составах сексуального насилия. Однако это уже тема для самостоятельной статьи.

- ¹ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2003. № 8. 6/353.
- ² См.: Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть / А.И. Лукашов, С.Е. Данилюк, Э.Ф. Мачулис и др.; Под общ. ред. А.И. Лукашова. Мн., 2001. С. 61. См. также: Калмыков В.Т., Калмыкова Н.В. Ответственность за убийство по уголовному кодексу Республики Беларусь: Учеб.-метод. пособие. Мн., 2002. С. 18.
- ³ Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: Учеб. пособие / Под ред. Н.А. Бабия и И.О. Грунтова. Мн., 2002. С. 72.
- ⁴ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 1997 года (по уголовным делам): Утвержден постановлением Президиума Верховного Суда РФ 1 октября 1997 г. // Судебная практика по уголовным делам: В 2 ч. Ч. 1. Сб. постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ / Сост. С.А. Подзоров. М., 2001. С. 695.
- ⁵ См.: Суд обоснованно признал лицо виновным в умышленном убийстве с особой жестокостью потерпевшего, находившегося в беспомощном состоянии: Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 12 августа 1997 г. по делу Хайруллина // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 4. С. 9–10.
- ⁶ См.: Меркушов А.Е. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 105 УК РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 6. С. 21.
- ⁷ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление № 1 Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. // Судебная практика... С. 503.
- ⁸ См., напр.: Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2001 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 10. С. 23; Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2002 г.: Утвержден постановлением Президиума Верховного Суда РФ 17 июля 2002 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 12. С. 7.
- ⁹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ: Научно-практический комментарий / Отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2001. С. 237.
- ¹⁰ Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под общ. ред. В.М. Лебедева и Ю.И. Скуратова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 257.
- ¹¹ См.: Практический комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под общ. ред. Х.Д. Аликуперова и Э.Ф. Побегайло. М., 2001. С. 264.
- ¹² Тяжкие и особо тяжкие преступления: квалификация и расследование: Руководство для следователей / Под общ. ред. С.Г. Кехлерова; Науч. ред. С.П. Щерба. М., 2001. С. 14.
- ¹³ См., напр.: Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.Н. Наумова. М., 1997. С. 36; Уголовное право России: Учеб. для вузов: В 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. М., 1999. С. 27.
- ¹⁴ Курс уголовного права. Особенная часть: В 5 т. Т. 3. Учеб. для вузов / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 115.
- ¹⁵ Барков А.В. Влияние правосознания на законотворчество и правоприменение в уголовном праве // Проблемы правоприменительной деятельности в Республике Беларусь: Материалы респ. науч. конф., Гродно, 28–29 марта 2003 г.: В 2 ч. / Отв. ред. Р.Н. Ключко. Гродно, 2003. Ч. 1. С. 262.
- ¹⁶ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК) (по материалам судебной практики) // Судовы веснік. 2003. № 1. С. 45.
- ¹⁷ Судовы веснік. 2004. № 1. С. 29.
- ¹⁸ По ранее действовавшему уголовному законодательству именно как убийство с особой жестокостью квалифицировались случаи убийства с использованием беспомощного состояния потерпевшего.
- ¹⁹ См.: Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. Мн., 1977. Т. 1. С. 360.
- ²⁰ См.: Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: Больш за 65 000 слоў / Пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. Мн., 1996. С. 85.
- ²¹ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 414.
- ²² Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. 12-е изд., стер. М., 1978. С. 45.
- ²³ См.: Словарь синонимов русского языка: Ок. 9 000 синонимических рядов / Под ред. Л.А. Чешко. 5-е изд., стер. М., 1986. С. 38.
- ²⁴ См., напр.: О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон Республики Беларусь от 1 июля 1999 г. № 274-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 52. 2/49.
- ²⁵ См., напр.: Володин Д., Попов А. Сон и сильная степень опьянения как обстоятельства, свидетельствующие о беспомощном состоянии потерпевшего при убийстве // Уголовное право. 2002. № 3. С. 46.

Поступила в редакцию 12.11.2003.

Николай Алексеевич Бабий – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права.

